

ТЕАТР

ХОРОШИЕ ТРАДИЦИИ И СМЕЛОСТЬ

(Заметки зрителя)

При всех промахах в своей творческой работе, подчас очень серьезных, Павловский театр на протяжении многих лет продолжает сохранять лучшие свои традиции.

Театр, например, повторяет прошлогоднюю постановку-спектакль «Коварство и любовь». И правильно делает. Это одна из лучших традиций Павловского театра — нести классику в массы и нести не как-нибудь, а отдавая классическим произведениям все силы.

Волнение не покидает зрителей в течение всех девяти картин, и вызывается оно столкновением горячей симпатии к семье Миллера и Фердинанду и острой ненавистью к президенту и его присным, в особенности к Вурму. Основное, авторское, вполне достигнуто. И за это мы должны быть признательны театру.

Музыкант Трифонова задумшен. Вурм в исполнении Тургенева самобытен и оригинален. Правда, нет того изящества в показе душевной обаятельности Луизы в исполнении Плужниковой, но актриса по своему трогательна и лирична в создании этого образа. Актер Орлов, возможно, очень чересчур декламирует своего Фердинанда, но эта декламация в какой-то мере вызывается самим шиллеровским текстом. Актриса Мурская, исполняющая роль леди Мильфорд, возможно и спорна в своих аристократических манерах, но текст ее читается в общепринятой традиции. И даже актер Громов, вызывающий наибольшую настороженность зрителя, прекрасно знает культуру создания сценического образа президента.

«Коварство и любовь» — трудная классическая вещь, и для ее постановки в Павлове далеко не хватает материальных условий, но она имеет сценическую традицию, и эта традиция — своего рода образчик — дает театру возможность на что-то равняться и чем-то мотивировать создание своих образов.

Но Павловский театр ставит вещи, которые не имеют или почти еще не имеют традиционного «наигрыша»... Возьмем, к примеру, «Возмездие» Леона Кручковского. Для советских актеров в «Возмездии» все новое, более новое, чем в «Коварстве и любви»... Ни постоянной живой действительности перед глазами, ни традиции! Дороги не хоженны...

А к тому же характеры персонажей весьма трудны, а поведение и все поступки героев вытекают исключительно из их характеров. И еще одно обстоятельство: Кручковский взял очень частную коллизию, и только благодаря мастерству драматурга эта очень частная и очень правдивая, жизненная коллизия, как капля воды, отражает общественную жизнь Польши 1946 года. При малейшем крене пьесу можно прочитать как узкую семейную драму. Все это требует и общей культуры актеров, и сценического мастерства, и хоть какого-нибудь творчества. А в конечном счете, нужна смелость. И Павловский театр опять в основном достиг цели.

Даже актриса Мурская и актер Громов, выполняющие роли очень близкие по существу ролям в «Коварстве и любви», обнаруживают новый такт, новый темперамент, новый общий тонус в исполнении. В самом деле, леди Мильфорд и панна Окулич — личности глубоко трагические. Таково, видимо, амплу Мурской. Но если леди Мильфорд горит на костре скванной страсти, то панна Окулич подавлена в течение 19 лет горем отчаявшейся матери. И Мурская находит, как говорят, на своей палитре новые краски и новые сочетания их. Не совсем верно создает она тона, порой чувствуется поза и искусственность, но то, видимо, в свое время не обратили внимания режиссеры (постановщик Константинов и Свистунов).

И у Громова есть свое амплу. Президент, одержимый карьерой, и бывший полковник Окулич — озлобленный маньяк панской Польши времен Пилсудского и беспощадно мстительный самец — роконосец — персонажи чем-то близкие друг другу. Но президент — вершитель судеб страны, а Окулич — выброшен историей в мусорный ящик. И если Громов, играя президента, использовал опыт всех других исполнителей этого персонажа, то играя Окулича, он в содружестве с режиссером создал нечто свое, вполне убедительное. И это шаг вперед от «Коварства и любви».

Поражают своей «вместительностью» Панасюк и Тургевев, особенно последний.

В «Возмездии» Панасюк исполняет роль волчонка, злого (правда, не по природе, а по воспитанию) и ограниченного всем тем же умышленным воспитанием «папаша». Поступки Юлека крайне неприглядны, и если зритель жалеет его, так только потому, что он жертва удава Окулича. Надо было сыграть волчонка! И надо было сыграть обращение, т. е. надо было показать зрителю, как с его души сваливается злая короста, и показать юношескую душу в ее незапятнанной прелести. И Панасюк справляется.

О Тургевеве. Мы привыкли видеть этого актера в роли плутов и злодеев типа Вурма. И вдруг большой общественный деятель — бывший подпольщик-революционер эмигрант, а ныне коммунист-педагог Ягмин. И сколько светлого, озаренного, чарующего в этом Ягмине, когда его видишь в исполнении Тургенева. Невольно возникает гордость за людей Польши, возглавляющих ее демократическое строительство и дело мира. Надежные и благородные люди!

Привлекает внимание актер Гукайко. И маршал в «Коварстве и любви» и делец в «Возмездии» исполнены им с захватывающим зрителя интересом.

Селестина в исполнении Арбениной — это то, что создал Леон Кручковский. Экстровагантность Арбениной какой-то смешной, но живой нерв спектакля.

Милая маленькая Матильда — самое несчастное существо — несет на себе и груз семейных конфликтов, и груз роковой семейной тайны, и в то же время «наперекор звездам» любит живую жизнь своей родины. Это — единственная зеленая веточка на обгоревшем семейном древе Окуличей. И актриса Смирнова создает впечатление неподкупного пульсирующего жизнелюбия.

Возможно, что не все зрители в полной мере разделяют эти соображения, доводы и впечатления — во творческой работе актеров Павловского театра много вдумчивости и пронизательности.

И. П.